
ВИКТОР КРЕМНЁВ
СКАЛЬПЕЛЬ ДЛЯ ИМПЕРИИ
ТОМ 1: РАЙОННЫЙ ХИРУРГ
15 МИНУТ. САНАВИАЦИЯ НЕ УСПЕЕТ.

Виктор Кремнёв

Скальпель для империи. Том 1: Районный хирург

https://litres.ru/74867602
SelfPub; 2026

Аннотация

Восемь часов за операционным столом в 2026 году закончились для ведущего кардиохирурга Андрея Соколова остановкой собственного сердца. А очнулся он в октябре 1969-го — в продуваемом автобусе по дороге в глухую районную больницу, куда его отправили по распределению. В руках вместо современного кардиоцентра — кипятильник со шприцами и эфирный наркоз, а в голове — тридцать пять лет хирургического опыта. Первое же ночное дежурство приносит пациента с проникающим ранением сердца, которого по советским инструкциям шестидесятых спасти невозможно.

Содержание

Глава 1. Распределение 4
Глава 2. Узел на перикарде 15
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Виктор Кремнёв
Скальпель для империи. Том 1: Районный хирург

Глава 1. Распределение

Я очнулся от бензина.

Ещё секунду назад надо мной горела лампа реанимационного бокса, а теперь в стекло у самого моего виска хлестала мокрая ольховая ветка. Под щекой липла крашеная жестянка. За спиной кто-то постучал ногтем по стеклу.

— Приоткрой, молодой. Дышать нечем.

Я отнял голову от окна. По полу покатилась картофелина, описала дугу у моих ботинок и стукнулась о жестяной кожух двигателя. Над водителем на выцветшей табличке читалось «ПАЗ-652». Автобус снова ухнул, и картофелина вернулась ко мне.

Два пальца легли на запястье. Семьдесят с небольшим, ровно. Я прижал сильнее и потерял толчок, ослабил пальцы, поймал его снова. На правой руке не оказалось следа от пластыря, под которым утром я прятал трещину на большом пальце. Рука выглядела так, словно ей ещё предстояло заработать все мои шрамы.

Последнее, что я помнил из две тысячи двадцать шестого, — подошвы Лёшкиных сабо за стеклом реанимации. Восемь часов я простоял над чужим сердцем. Когда снял перчатки, не попал ими в жёлтое ведро, хотя оно стояло прямо под руками. Дальше белый потолок, короткий сигнал монитора и Лёшка по ту сторону стекла. Он держал ладонь на двери, пока кто-то изнутри не дёрнул ручку.

Я вдохнул до упора. За грудиной ничего не давило, под лопаткой ничего не жгло. Даже левое колено, с которым я последние десять лет договаривался на каждой лестнице, согнулось так легко, что я ударил им в спинку переднего сиденья.

— Совсем, что ли? — Женщина впереди поправила узел платка.

— Простите. Куда едем?

— Ты билет-то куда брал?

Билет лежал в нагрудном кармане вместе со сложенной вчетверо бумагой. Я развернул её на коленях. Областной отдел здравоохранения направлял Андрея Сергеевича Соколова в распоряжение главного врача Зареченской районной больницы. Дата прибытия — шестнадцатое октября 1969 года. Рядом с печатью на сгибе темнело пятнышко. Я вспомнил, как поставил на бумагу стакан с чаем, пока мать заворачивала мне в дорогу яйца.

Я сунул бумагу обратно. В чемодане под сиденьем, если память не подводила, между двумя рубашками лежало пись-

мо от неё. Оно ещё пахло кухней. Открывать его при чужих людях я бы не смог, поэтому прижал чемодан каблуком.

В стекле дрожала моя физиономия. Щека, которую я брил каждое утро перед обходом, теперь выглядела так, словно бритвой по ней прошлись раза три за всю жизнь. На подбородке сидел прыщ. Я придавил его пальцем и тут же отдёрнул руку. Всю память о тридцати пяти годах в хирургии можно было списать на бред. Зато боль от прыща была очень убедительной.

У Зареченска водитель высадил меня возле магазина. Ноги держали. Я добрался до больницы по дощатому тротуару без единой остановки и только у крыльца сообразил, что тащу чемодан в левой руке. В пятьдесят восемь я бы через сто метров его переложил. Здесь я донёс его до кабинета главврача и, пока ждал под дверью, всё ещё держал на весу.

Илья Ильич Корнеев пришёл с улицы, с каплями на плечах. На пиджаке под пальто виднелась потёртая орденская планка. Он вынул у меня направление, пригладил его ребром ладони и подвинул ко мне стул.

— Двадцать три. В хирургии что делали?

— На практике ассистировал. Аппендикс один дали самому.

Я вспомнил, как доцент держал тогда мою руку за запястье, хотя операция шла своим чередом и мешала мне только эта его рука. О чём я на самом деле знал достаточно, чтобы преподавать, в направлении места не нашлось. Корне-

ев прочёл его с оборота и положил перед собой по линейке.

— Жить будете в больничном доме. Ключ у кастелянши. Сегодня ночное вместе с Вениамином Павловичем. Один бы я вас не оставил, а ему вторые сутки идти некуда.

— Давно не спал?

— Давно в область просится.

Илья Ильич раскрыл ящик. Внутри лежала жестяная коробка, набитая канцелярскими скрепками, и старая фотография. Четверо в гимнастёрках стояли у грузовика с открытым кузовом. Одного я узнал по ушам. Корнеев достал скрепку и закрыл ящик бедром.

— На фронте мне как-то прислали фельдшера, который всё делал первым. Первым вошёл, первым взял нож. Третий день я его хоронил. Здесь, Соколов, прежде чем что-то делать впервые, позовите того, кто это уже делал. Вопросы?

У меня их было на целый вагон, и ни одного, который следовало задать главному врачу. Я покачал головой. Корнеев поставил на бумаге свою подпись, подумал и отдельно приписал номер домашнего телефона на клочке календаря.

— Это вам. В кадрах такого не дают.

В отделе кадров на подоконнике сушились рукавицы. Женщина в нарукавниках забрала направление, переписала дату рождения из паспорта и поправила мою подпись пальцем, будто её ещё можно было передвинуть. В ведомости напротив ставки стояло девяносто рублей ноль копеек. В графе за октябрь она насчитала сорок три рубля четыре копейки и

сказала, что за ночные посчитают отдельно. Четыре копейки она вывела тщательнее всех остальных цифр.

— Семейное положение?

Я уже собирался ответить. Лена в шестьдесят девятом ходила во второй класс, а со мной познакомилась много позже, когда я взялся вынести из общежития её сломанный холодильник. Я помнил, что в морозилке тогда лежали два пельменя, и она попросила их оставить. Кадровичка макнула перо ещё раз.

— Холост, — сказал я.

Перо заскрипело. Я посмотрел на свои руки под столом и убрал большой палец с места, где привык нащупывать обручальное кольцо.

В оперблок меня провела Тамара. Она остановила меня перед полосой линолеума, приподняла крышку ящика с бахилами и подождала, пока я разуюсь. Здешние бахилы завязывались тесёмками. Одну тесёмку кто-то надставил суровой ниткой, и узел пришёлся аккурат под подошву.

На столе стояли круглые биксы. На каждой бирке одна и та же рука проставила время стерилизации. Та же рука подложила под стеклянные цилиндры шприцев «Рекорд» полоски марли, чтобы они не бились друг о друга в лотке. В соседней комнате в эмалированном кипятильнике плавала крышка маленького стерилизатора. Тамара подняла её щипцами и перевернула. На ручке проступал номер ГОСТа.

— Стол качается, — заметил я.

Тамара носком поправила жестяной клин под ножкой. Качаться перестало.

— Теперь нет.

Я спросил, где держат атравматические иглы. Она закрыла кипятильник и повернулась ко мне всем корпусом.

— А вы их нам привезли?

— Думал, в запасе есть.

— Две упаковки летом были. Одну Вениамин Павлович в область отдал с больным, про вторую меня не спрашивайте. Если сами найдёте, мне покажите.

У стены стояла кислородная стойка. На верхней полке лежала маска с откидной рамкой, рядом тёмная склянка эфира и квадрат марли. Я знал этот наркоз по старым лекциям и по запаху, который въедался в стены первых больниц, где я работал. Запах ещё уходил, если открыть форточку. С руками, способными удержать человека на этом столе между болью и остановкой дыхания, было сложнее.

— Кто у вас даёт наркоз?

— Обычно я. Если сестру из палаты вызвоните, она мне подаст. А если есть время, звоним в область.

Она сняла маску с полки, осмотрела крючок на рамке и поджала его ногтем.

Вениамин Павлович явился к концу обхода. Перед тем как войти в перевязочную, он снял часы и засунул их во внутренний карман. Под резинкой на запястье осталась светлая полоса. Я принял это за хорошую привычку, пока он не по-

просил меня самому снять повязку с больного, а потом подписал историю у него за спиной, не взглянув на рану.

— Илья Ильич велел вам со мной ночь провести? Хорошо. Если заболит живот, зовите. Если болит давно, спросите, отчего ждали до ночи. Уже половина диагноза.

Он перелистал журнал. На полях возле одной фамилии карандашом стояло «райком». Вениамин Павлович вернулся на страницу, обвёл пометку и провёл черту под своей подписью.

— А если звонят из райкома, то сразу ко мне. Даже если живот у них не болит.

Тамара поставила передо мной чай в гранёном стакане. На дне плавала чаинка, и я смотрел, как она медленно ложится на бок. Здесь такая чаинка была обычным мусором. В моём времени продавали чайные пакетики, на которых крупными буквами печатали обещание, что этот самый мусор окажется внутри. Я пил горячее маленькими глотками, чтобы не уснуть над стаканом.

К девяти Корнеев ушёл. С улицы потянуло сырым углём, в палате перестали звенеть ложки. Я успел вправить вывих слесарю из котельной. Тот попросил меня написать, что упал на работе, и отдельной строкой, что не пил. Вениамин Павлович высунулся из дежурки, поинтересовался, дописал ли я, и убрал голову. Слесарь пошевелил пальцами, пересчитал их для верности и попросил стакан воды.

Ближе к полуночи мне досталась свободная кушетка. Я

снял ботинки и не успел поставить второй на пол. В коридоре хлопнула дверь. Кто-то с разбега задел носилками косяк, и по стенке дежурки прошёл глухой толчок.

— Хирурга сюда! — Голос сорвался на последнем слоге.

На носилках лежал широкоплечий мужчина в распахнутом пальто. Из левого борта пиджака торчал загнутый кусок металла. Фельдшер прижимал к ткани свёрнутую салфетку. За его плечом топтался водитель с засохшей кровью на мочке уха и всё пытался сунуть кому-нибудь кожаную папку.

— На повороте в столб. Дверь заклинило. Я его потянул, а он… Вы папку возьмите. Это Александра Матвеевича.

Вениамин Павлович вышел из дежурки с расстёгнутым воротом. При имени он захлопнул последнюю пуговицу.

— Суров? Первый секретарь?

Водитель кивнул. Папку он наконец поставил на пол, прямо в лужицу с носилок. Один её угол тут же потемнел.

— Александр Матвеевич, меня слышите?

Я наклонился к раненому. Мужчина двинул зрачками и попытался ответить. Ничего не вышло. На шее под воротником надулись вены, хотя на запястье под пальцами почти ничего не было. Я прижал фонендоскоп к груди и переставил его, потому что в первый миг решил, что забиты трубки. Тоны были глухими и далёкими, а между ними слышалось, как пальцы мужчины скребут простыню.

Сколько крови ушло под рубашку, можно было прикинуть на глаз. Гораздо больше оставалось там, куда глаз не доста-

вал. Сердце билось в заполненной кровью сумке, ему уже не хватало места для следующего удара. Я знал, как быстро при такой тампонаде один слабый удар перестаёт отличаться от другого. Стрелка манометра дрогнула там, где ещё недавно и ставить отметку не имело смысла.

Вениамин Павлович взял меня за локоть.

— Из области бригада прилетит. Звоните на станцию. Скажите фамилию, они машину сейчас же поднимут.

— Здесь меньше пятнадцати минут.

— Я слышал. Всё равно звоните. Кто вам разрешил ему грудь открывать? У нас инструкция. Вы её читали?

Я снял фонендоскоп. Вениамин всё ещё держал меня за локоть, хотя уже не смотрел на меня. Он искал глазами телефон. Аппарат висел у самого стола, и достаточно было шагнуть, чтобы дотянуться до трубки. Он ждал, когда шагну я.

— Корнееву звоните вы, — сказал я. — Тамара, в операционную.

— Молодой человек, вы сейчас отойдёте.

Пациент перестал скрести простыню. Я коснулся его шеи. Под пальцем ещё билось. Вениамин сжал локоть сильнее, и я увидел у него прямо перед носом мокрый след от чужой ладони на халате. Я снял его руку со своего рукава.

— Отойдите, Вениамин Павлович. Я беру больного.

Тамара ухватилась за головной конец носилок. Фельдшер дёрнул свой конец вверх, носилки пошли, а Вениамин остался у двери. Когда я обернулся, у него в руках уже была труб-

ка. Он прижимал её к уху обеими ладонями.

В оперблоке Тамара втолкнула клин под ножку стола прежде, чем мы переложили мужчину. Фельдшер задрал рукав своего халата и глянул на часы. Я спросил, давно ли он потерял пульс на запястье. Фельдшер покачал головой, как будто ответ оставался на циферблате.

— В машине ещё был. Я ему сказал, чтобы держался, а он спросил, цел ли шофёр.

Тамара позвала сестру из палаты. Та прибежала с ключами, которые звенели у неё на поясе, и замерла перед маской. Тамара коротко объяснила ей, где стать, и сама встала у головы. Когда она открыла склянку, я ощутил эфир даже через повязку.

В 2026-м на этом месте кто-нибудь вслух произнёс бы моё имя и фамилию пациента. Кто-нибудь другой подтвердил бы, что кровь доставлена, и я услышал бы шелест упаковки с привычным инструментом. Здесь фельдшер принёс ещё один бикс и поставил его открытым краем к себе. Руки у него тряслись. Я развернул бикс за ручку, и он придержал крышку.

Вениамин Павлович показался в дверях без маски. Сказал, что у Корнеева занято. Потом отступил на полшага и добавил, что в области спрашивают, может ли больной дождаться машины на шоссе. Никто ему не ответил. Он поправил ворот и исчез за дверью.

Я протянул руку. Сестра с ключами посмотрела на Тама-

ру. Та поправила маску, встретилась со мной глазами и кивнула. В ладонь лёг скальпель с тяжёлой ручкой. Новому телу предстояло впервые сделать то, за что моё старое отвечало столько лет. Мне пришлось сдвинуть пальцы на рукоятке: у молодого Соколова они смыкались чуть иначе.

Я сделал первый разрез. Стол не качнулся.

Потом я слышал только дыхание под маской и короткие слова Тамары. Фельдшер держал то, что я ему поручил, и смотрел куда угодно, лишь бы не видеть лица на подушке. Когда показался перикард, кровь распирала его изнутри. Сестра с ключами прошептала, что больше не чувствует пульса.

Я вскрыл перикард, и под хлынувшей кровью увидел сердце, которое уже не двигалось.

Глава 2. Узел на перикарде

Потом оно дёрнулось.

Кровь, которую до сих пор держал перикард, потекла мне на рукав. Я убрал сгусток и увидел, как из-под него ударила свежая струйка. Прижал рану пальцем. Под ним прошёл слабый толчок, потом второй, уже такой, что я почувствовал его всем запястьем.

— На шее проверьте. Ещё раз.

Сестра с ключами подалась к изголовью. Тамара держала маску, опершись локтем о край стола. У переносицы больного топорщилась марля, и я видел под ней полоску кожи. Сестра сунула пальцы под нижнюю челюсть и застыла.

— Есть. Кажется, есть.

— Держите руку там.

Фельдшер ещё тянул край раны, как я ему велел. Когда ему понадобилось перехватить инструмент, он сначала посмотрел на меня. Я кивнул. Он переменил руку так осторожно, будто передавал стакан с кипятком ребёнку.

В дверях снова появился Вениамин Павлович. На этот раз он надел маску, но тесёмка с одной стороны провисла. Он взглянул на лоток со сгустками и прижал ладонь к косяку.

— Прекратите. Андрей Сергеевич, сейчас же. Санавиация вылетит, я договорился.

— Свет сюда.

— Какой свет? Вы понимаете, кто у вас на столе?

Кровь добралась до моего локтя. Я чуть переместил палец, и она перестала прибывать. Сердце продолжало биться, и после каждого удара мне приходилось находить то же место заново. Краем глаза я видел, что Вениамин Павлович так и стоял у двери. Его большой палец тёр одно и то же место на косяке.

— Понимаю. Лампу возьмите.

Он сделал шаг и заслонил свет. Сестра с ключами подняла на него глаза, но руки с шеи больного не убрала.

— Подвиньтесь левее, — сказала она.

Он послушался её сразу.

Тамара дождалась вдоха и подозвала сестру к себе. Показала, как придержать маску у переносицы. Сестра на миг посмотрела на лоток, потом на лицо под рамкой. Ключи у неё на поясе качнулись и затихли.

— Я подам, — сказала Тамара.

Она сняла с полки бикс и положила на стол салфетку. Мне понадобилась тонкая игла. Та, которую фельдшер приготовил в начале операции, выглядела теперь годной разве что для подшивки валенка. Я спросил про вторую летнюю упаковку. Тамара посмотрела через моё плечо.

— Вениамин Павлович. Где ваша коробка?

Он будто не услышал. Я уже хотел повторить, но Тамара отодвинула на полке стопку чистых халатов. Из-за неё показался синий картон. На крышке карандашом было написано

«В область». Она вынула пакет и положила коробку обратно, на то же место.

— Можете записать, что я взяла.

Никто ничего не записал. Тамара вскрыла пакет. Почти в ту же секунду у больного под маской коротко и хрипло вышел воздух. Фельдшер от неожиданности дёрнул кистью. Я остановил его локтем и снова почувствовал удар под пальцем.

Края повреждения казались крепкими, пока я смотрел на них сверху. Стоило сердцу сократиться, и один край выворачивался тонкой полоской. Если просто стянуть его нитью, она прорежет ткань. Я попросил оставить мне небольшой лоскут перикарда. Тамара положила рядом с иглой две светлые прокладки из той же ткани, что минуту назад запирала кровь вокруг сердца.

— Иглодержатель.

Он лёг в ладонь ручкой вперёд. Тамара подала его так, чтобы мне не пришлось менять хватку.

Вениамин Павлович наклонился ближе.

— Вы ему сердце насквозь прошьёте.

Я не ответил. Мне нужно было, чтобы нить легла поперёк раны и прижала её через прокладки. П-образный шов. На рисунке в учебнике он занимал бы полстраницы. Здесь мне было видно только то, что помещалось между моим пальцем и бликом от лампы.

Я дождался, пока сердце поднимется к руке. Нить легла.

Когда я начал затягивать узел, одна из прокладок приподнялась уголком. Тамара заметила это одновременно со мной и чуть повернула свет. Край ткани расправился, а между прокладками осталась тонкая тёмная щель.

Я снял палец.

Там была кровь. Я подождал ещё удар. Кровь осталась на месте. Следующий удар уже не пришлось искать. Он прошёл по всей поверхности сердца, и по краю лотка пробежала капля, которую я сам туда стряхнул.

— Давление, — сказала Тамара.

Сестра повторила цифры дважды. Первый раз так тихо, что я решил, будто ослышался. Вениамин Павлович стоял сбоку от лампы и держал её за стойку. На провисшей тесёмке маски темнело мокрое пятно.

— Стойте пока здесь, — сказал я. — Ещё нужен свет.

Он остался. Когда я попросил инструмент, Вениамин Павлович подал его раньше фельдшера. Я взял. Рука у него оказалась сухая.

К моменту, когда мы переложили больного на каталку, я уже перестал чувствовать, где жал узел на бахиле. Зато, когда сел у стены, выяснилось, что левая ладонь всё ещё сжата. Я разжал её на колене. На коже проступили четыре прямоугольных следа от ногтей.

Тамара проехала с каталкой мимо меня. Маску она сняла и положила в лоток, но склянку с эфиром велела оставить в операционной. У двери оглянулась.

— Андрей Сергеевич. Пальто у вас где?

Я не понял, зачем оно ей. Потом заметил, что дрожу, и показал на дежурку. Тамара кивнула сестре с ключами.

* * *

Суров пришёл в себя под утро. Я стоял у окна в пальто поверх халата и считал, сколько раз за минуту он вдохнёт. На одиннадцатом вдохе он открыл глаза. Я наклонился. Он посмотрел мимо меня, туда, где на стене темнел гвоздь от снятых часов.

— Который час?

— Скоро шесть.

Он принял ответ и опять закрыл глаза. Я поправил простыню у него на плече. Только тогда он спросил о шофёре, причём так тихо, что пришлось приблизить ухо к самому его рту.

— Живой. Внизу сидит.

Суров пошевелил пальцами. Я решил, что он ищет мою руку, но он просто хотел вытащить кисть из-под простыни. На безымянном осталась светлая полоска. Кольцо сняли ещё в приёмном и положили в карман пиджака. Я сказал, где оно. Суров опять пошевелил пальцами и успокоился.

Корнеев вошёл через несколько минут. Пальто он ещё не снял, на воротнике блестела вода. Он глянул на больного, потом на меня. Я ждал, что он спросит, почему мне так понадобилось ослушаться старшего. Вместо этого он снял пальто и повесил на тот самый гвоздь.

— Разговаривал?

— Про водителя спросил.

Корнеев провёл ладонью по карманам и достал клочок бумаги. На нём был записан тот же номер, что он вчера сунул мне в руку. С одной стороны проступала календарная сетка.

— Ночью трубка с рычага слетела. Простите, Андрей Сергеевич.

Я вспомнил Вениамина Павловича с трубкой у уха. Спросил, кто всё-таки дозвонился в область.

— Он и дозвонился. Велел готовить бригаду. Потом ещё один раз звонил, уже насчёт вас.

— Протокол написали?

— Подписал.

— Тогда поспите, пока дают.

Я успел дойти до кушетки, на которой ночью снял один ботинок. Второй стоял под ней носком к стене. За окном хлопнула рама. Я лёг поверх клеёнки и только начал соображать, какую руку положить под голову, когда по двору прошёл гул. Стекло задребезжало сразу, в двух местах. У меня из кармана выпал карандаш.

Вертолёт сел за котельной. Пока бригада шла к крыльцу, ветер разогнал по двору золу, и санитарка, вышедшая встречать, прикрыла рот полой халата. Первым в коридор вошёл мужчина с тёмной сумкой. За ним двое в одинаковых плащах. Один нёс ящик, другой толкал перед собой сложенные носилки, на которых ещё блестели капли.

— Больной транспортабелен? — спросил мужчина с сумкой.

Корнеев показал на палату.

— Пусть ваш хирург посмотрит.

— Вот он и посмотрит.

Мужчина снял перчатки и засунул их под ремень сумки. Представился Григорием Матвеевичем Беляевым, ведущим хирургом областной больницы. Фамилию я знал по старому учебнику, где под фотографией седого человека стояли две даты. Первую я вспомнил. Вторую постарался не вспоминать. В шестьдесят девятом у Беляева были рыжие усы и одна штанина темнее другой от воды.

Он прошёл к Сурову. Мы с Корнеевым стояли у окна, пока Беляев слушал грудь и задавал вопросы, на которые можно было отвечать одним словом. Когда Суров попробовал пошутить про опоздавший вертолёт, Беляев дождался, пока тот договорит, и аккуратно укрыл ему голое плечо.

— Здесь пока побудете, Александр Матвеевич. Уж простите, зря слетали.

Суров открыл глаза пошире. Беляев наклонился к нему, и они на секунду улыбнулись друг другу. Потом Беляев взял сумку и вышел.

В ординаторской Вениамин Павлович разложил моё направление, историю болезни и лист с изложением ночных событий. Лист был отпечатан на машинке. На обороте у верхнего края виднелись две вмятины от скрепки, хотя скрепки

уже не было.

— Я предложил дождаться квалифицированной помощи, — начал он. — Товарищ Соколов самовольно приступил к операции. Илья Ильич, я обязан был доложить.

Корнеев повернул лист к свету. Я видел, что он читает последнюю строку. Она была длиннее остальных и кончалась прямо у края бумаги.

— Во сколько область могла прислать бригаду?

Вениамин Павлович объяснил про туман, потом про площадку и переговоры с аэродромом. Беляев снял крышку с чернильницы, посмотрел внутрь и закрыл её.

— Во сколько? — переспросил он.

— К рассвету. По погоде.

Беляев кивнул, словно наконец услышал нужную цифру. Потом подвинул ко мне оборотную сторону районной газеты и протянул карандаш.

— Где была рана?

Я показал. Он попросил нарисовать шов и сначала решил, что я обозначил прокладки слишком большими прямоугольниками. Я поправил рисунок. Он помолчал и спросил, почему я взял именно перикард. Я ответил, что под пальцем у меня был край, который нить прорезала бы, а перикард лежал тут же. Вениамин Павлович потянулся за листом. Беляев придержал его двумя пальцами.

— П-образный, через собственную ткань, — проговорил он. — А тампонаду сняли, когда уже не было пульса?

— На шее не было. Сердце ещё билось.

Он долго смотрел на рисунок.

— Видел я такие раны, — сказал Беляев. — У меня в отделении, с полной бригадой. Вы ему работу сделали чистую. Никакой дороги до утра он бы не пережил.

Вениамин Павлович потянул манжету халата.

— Но инструкция…

— В акт запишите, когда он поступил и когда я прилетел. Две цифры. Если хотите, я под ними распишусь.

Корнеев перевернул лист и придвинул его к Вениамину Павловичу. Тот снял с запястья часы и положил рядом с бумагой. Стекло было треснуто по диагонали. Он повернул часы боком, чтобы видеть стрелки.

Беляев сложил газетный лист пополам.

— Вы где научились, Андрей Сергеевич?

Я перебрал в голове три фамилии и ни за одну не взялся. Того, кто впервые дал мне сделать такой шов, в этом октябре ещё водили в детский сад за руку. Я забрал со стола карандаш и сунул его в карман.

Из приёмной позвали Корнеева. Сестра крикнула его имя-отчество один раз, без обычного «вас к телефону». Он встал. Беляев сложил газету ещё раз и сунул её под ремень сумки.

* * *

На носилках лежала женщина в мужском пальто. Один рукав волочился по полу, и санитарка подхватила его, когда носилки застряли у поворота. Под пальто, над животом, под-

нималось одеяло. Я решил, что женщина тяжело дышит, но одеяло двигалось от шагов тех, кто её нёс.

Рядом шла акушерка из сельского пункта. На ней были валенки без галош. Она говорила на ходу и никак не могла передать Корнееву бумагу, которую сжимала в руке. Та успела размокнуть, и угол оторвался у неё между пальцами.

— Схватки с пяти. Порок у неё. Выписка тут. У моста ещё со мной говорила.

— Имя?

— Клавдия. Клавдия Носова.

Беляев откинул пальто. Я приложил пальцы к шее, и он посмотрел на меня. Потом приложил свои с другой стороны. Мы оба убрали руки почти одновременно.

— Когда перестала дышать?

— На крыльце ещё дёрнулась. Я её звала.

На бланке, который акушерка наконец отдала Корнееву, я увидел слова «выраженный митральный стеноз». Ниже шли какие-то цифры, но читать их было некогда. Женщина не дышала, пульса не было. Вениамин Павлович, который выбежал за нами без часов, посмотрел на пол и принялся закатывать рукава.

Беляев начал массаж сердца прямо в приёмной. Сестра с ключами подтащила кислород, а фельдшер из областной бригады раскрыл ящик и достал маску. Акушерку попросили отойти. Она отошла ровно на один шаг и прислонилась спиной к стене, чтобы больше никому не мешать.

Я спросил, шевелился ли ребёнок в дороге.

— Бился. Она ещё ладонь мою взяла, дала поглядеть.

Акушерка показала руку, словно я мог увидеть на ней то, что она почувствовала. Пальцы у неё были испачканы синей копиркой. Я попросил её идти с нами. Она сразу отлепилась от стены.

— Есть машина до площадки, — сказал Корнеев.

Он смотрел на Беляева. С улицы было слышно, как завели мотор. Водитель, видимо, увидел бегущую сестру и решил заранее выгнать машину со двора. Беляев не поднимал головы.

— До области её не довезти.

Корнеев шагнул к носилкам и взялся за ручку. Вениамин Павлович встал с другой стороны. Вместе они повернули носилки так, что мы едва не задели ногами скамью. Из-под неё выкатилась детская варежка. Акушерка переступила через неё и пошла за нами.

У операционной Тамара уже держала дверь открытой. На ней был тот же халат, только манжеты она завернула внутрь. Я услышал, как кто-то спросил про наркоз. Тамара не обернулась. Она дождалась, пока мы внесём носилки, и заслонила дверью кольцо зевак в коридоре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.